

БЕЛОРУССКИЕ ЗЕМЛИ В СОСТАВЕ ДРЕВНЕРУССКОГО СООБЩЕСТВА

Полагаю, называть Древнюю Русь именно так – *сообществом* – исторически корректнее. Ибо при территориальном единстве (вдоль пути Из Варяг в Греки), социальной (варяги как «цементирующий» слой), династической (единый княжеский род), этнической (говорившее на одном языке население) и культурной (общие верования, отразившиеся в курганной культуре, затем в православии) общности неустойчивое политическое единение существовало лишь в период сложного вожества (конец IX – первая половина XI в.). Наступившая затем эпоха формирования государственности породила сонм удельных княжеств и «феодалные республики» Новгород и Псков. Тесно связанные между собой политические и внешнеэкономические интересы их элит были разнонаправлены, что и породило известную раздробленность, или, чтобы избежать негативной коннотации, можно использовать нейтральный термин – *сегментация*.

Первым среди указанных княжеств обособилось, как известно, уже к середине X в. Полоцкое, менее других связанное с Рюриковичами династически и сложившееся на ответвлении от основного направления пути из Варяг в Греки. Сложившиеся на нынешней территории Беларуси Туровское и, частично, Смоленское княжества оставались тесно связанными с Киевом. Так на нашей территории возникли первые государственные образования.

Здесь нельзя умолчать о том, что история белорусской государственности выходит за пределы чисто академических изысканий и вызывает общественный интерес, по крайней мере, уже с конца XIX в. и связана с развитием национального самосознания. Среди нарождавшейся белорусской интеллигенции первым, кто соединил национальные интересы с научным изучением начальных этапов складывания государств в белорусских землях был в конце XIX – начале XX в. профессиональный историк М.В.Довнар-Запольский. Уже в одной из своих ранних работ о дреговичах и кривичах до XII в. он особо выделил роль Полоцкой земли в начальной истории Беларуси и заложил, как заметил недавно немецкий белорусист Райнер Линднер, «матрицу историографического мифа белорусской государственности» [1, с. 81-85, 450-452]¹. Позднее, развивая тему, Довнар-Запольский сформулировал концепцию, которая и поныне принимается рядом белорусских историков, а также популярна в обществе: 1) древнерусские племена не составляли этнографического целого, 2) Древнюю Русь связывали воедино лишь «внешние интересы» (торговля и борьба с соседями), 3) «русские» из белорусских земель в XIII в. добровольно вошли в единое с литовцами государство под началом литовских князей и это было на пользу обоим народам [5, с. 9].

Заметим, хотя племенные различия восточных славян не следует преувеличивать², но тем не менее, и наличие этноопределяющих украшений, выделенных по археологическим данным, и известные летописные племенные княжения свидетельствуют о существовании внутренних отличий, осознаваемых тогдашними восточными славянами. Тезис о единстве «внешних интересов» вполне соответствует торговой концепции Ключевского, поддерживаемой многими современными российскими историками. Третий тезис также вполне приемлем при нынешних наших познаниях (о чем речь пойдет ниже). Так что намеченный Довнар-Запольским подход оказался вполне научно обоснованным. Но затем вмешалась политика. Ученый принимал участие в создании БНР, а затем, в становлении исторической науки в БССР. Но его «Гісторыя Беларусі» получила резко отрицательный отзыв как написанная с немарксистских, националистических позиций и была опубликована лишь в 1994 г. [6]. Последовавшие в начале 30-х гг. прошлого века репрессии среди белорусской интеллигенции надолго отводили историков от анализа белорусского государственногенеза вне

господствовавшей с 30-х гг. концепции триединого братства восточных славян. Попытка московских и минских ученых провести в 70-е гг. прошлого века конференцию по этногенезу белорусов была пресечена на уровне руководства компартии БССР. Хотя изданные в 1973 г. тезисы предстоящей конференции были выдержаны в строго научном ключе [7].

Но в те же годы, во многом, на мой взгляд, благодаря научным интересам академика Б.А. Рыбакова, началось углубленное изучение древнерусской истории в соединении с довольно значительными к тому времени достижениями археологов. И в рамках этой тенденции Полоцкую землю как почти самостоятельное государство, обособившееся от Киева, с территорией, сопоставимой с крупными тогдашними западноевропейскими монархиями, исследовал московский археолог Л.В. Алексеев [8]. Монография Алексеева создала прецедент и позволила исследовать историю княжества без оглядок на сложившиеся в 30–50-е гг. концепции древнерусского единства [с. 22 сл.]. Но параллельно рос и общественный интерес к началам белорусской истории. И когда после образования независимой Республики Беларусь расширились возможности изучения истории страны в «национальном контексте» [10] актуализировалась идея о начале нашей государственности с первого исторически зафиксированного государства на ее территории – Полоцкого княжества. Резоны в этом есть. Действительно, оно было и самым обширным и наиболее самостоятельным из других политических образований на нашей территории. Но здесь необходимо иметь в виду следующее.

Во-первых, тогдашнее население мыслило иными категориями, и жители Полоцкого княжества не осознавали себя гражданами особого государства. Вообще понятия *гражданства* тогда не существовало. А подданными они были конкретного князя. Тем более, что тогдашние границы владений были неустойчивыми и определялись соотношением сил соседей в каждом конкретном отрезке времени.

Во-вторых, самоидентификация населения формируется, как известно, при соприкосновении с чужаками. Изначально потому так естественно и возникли уделы в древнерусских землях, что и князья, и их подданные не ощущали локальной изоляции: язык, религия, порядки оставались общими. И лишь постепенно, по мере укрепления самостоятельности, у полочан происходило становление собственной «внешней политики» – установление связей, прежде всего, с Прибалтикой. Новый этап в истории княжества начался в XIII в. с появлением на его рубежах действительно иных: крестоносцев на северо-западе и монголов на юге и юго-востоке.

В-третьих, особо следует подчеркнуть, что выделять для рассматриваемого времени белорусские земли *исторически некорректно*, ибо таковыми они становятся после XVI в., когда формирование белорусского этноса произошло на географически определенной территории, за которой в XVII в., наконец, закрепилось название «*Белая Русь*» [11, с.17; 12; 13; 14, с. 4, 91-107]. А потому и преемственность нашей государственности от Полоцкого княжества весьма условна. И уж тем более ее нельзя выводить, как это делал известный историк права И.А.Юхо. В опубликованной недавно рукописи из его архива, со ссылками на Рыбакова и Геродота читаем: «*В Среднем Поднепровье сарматы уничтожили одно из скотопских царств по Тясмину и сильно потеснили северное царство... Из этого утверждения следует, что северное (Киевское царство существовало еще до прихода сарматов на Скифию, т.е. до II в. до н.э. О существовании государств у народа Восточной Европы до н.э. свидетельствует древнегреческий историк Геродот, который писал, что в 513 г. до н.э. на совещание к скифским государственным и военным руководителям прибыл, с. 13 и цари соседних народов*» [15, с. 11]. Эту мысль Юхо развивал в начале 90-х гг. в публичных выступлениях и учебном пособии для студентов: Коль к северу от Киева были цари, а там, в том числе на юге Беларуси, в указанное время жили геродотовы невры, то значит, у них уже было государство. И с этого времени он начинал отсчет государственности на наших землях [16, с. 4-5, 53-54]. Это можно было бы воспринимать как курьез – юристу свойственно исходить из букв текста; копаться же в контексте, в данном случае в отдаленной истории – не его амплуа. Но когда я услышал в дискуссии на научной конференции в 2009 г. от директора института социологии И.В. Котлярова фразу о том,

¹ Но этот миф, как известно, даже в отвергаемом серьезными историками изложении Н.И.Ермоловича [2, с. 268], все же привлек внимание к нашей ранней истории и после всплеска публицистики 90-х гг. породил ряд серьезных работ, чьи результаты отражены, в том числе и в многоотомнике по истории Беларуси [3-4].

что белорусские историки, мол, всё еще спорят о начале нашей государственности, а она уже была во времена Геродота, оказалось, что идея авторитетного белорусского правоведа не только пустила корни, но и дала плоды... Пришлось вступить за коллег. И напомнить, что поскольку античные ученые не очень разбирались в первобытных порядках, то всех варварских вождей воспринимали привычными для себя монархами (*βασιλεύς* – *басилевс*, др.греч., *dux*, *gex* – лат.). Не стал бы об этом писать, но, как видно, такие наивные представления распространены не только у дилетантов, но и среди смежных с историками гуманитариев.

Но если убрать избыточное, с конкретно-исторической точки зрения представление о Полоцкой земле как первоначальном именно белорусском государстве, то действительно – это княжество вполне заслуживает названия первого государственного образования на нашей территории. Ибо, что многократно фиксировалось в литературе именно Полоцк, во-первых, по женской линии не был напрямую связан с Рюриковичами, а, во-вторых, первым проявил свою самостоятельность, а отличие сложившегося тоже на будущей белорусской территории Туровского княжества, остававшегося в более тесной связи с Киевом, потом с Галичем. Смоленское княжество также было теснее связано с Киевом, да и в значительной своей части располагалось вне белорусской территории.

Современные белорусские исследователи существенно дополнили представления о Полоцком княжестве. Обращено внимание, что его динамичная политическая консолидация была связана необходимостью установления контроля над местными балтами в процессе славянского расселения в Подвине с VIII в. Это стимулировало раннее становление новых административных структур в условиях формирования полиэтничного, надплеменного образования, в которое входили и разные группы кривичей, и, восточные балты и, позднее, по мере приращения территорий, отдельные анклавы с дреговичским и радимичским населением. А началось это еще до закрепления Рюриковичей в Киеве [17, с.69; 18, с.9]. То есть Полоцкое княжение формировалось параллельно Киевскому и на ранних этапах его можно считать вождеством, постепенно преобразовавшимся в раннее государство. При этом, как и Рюрик, первый известный Полоцкий князь – Рогволод – также, скорее всего был скандинавом, связь с которыми прослеживались и в XI в., что отразилось в письменных и археологических материалах [3, с.153-154; 17; 19; 20, с. 188-191]. Развитие княжества в XII в. было связано с отмечаемым в это время резким ростом числа поселений, что отразило «демографический взрыв» [21].

Туровское княжество, основой которого были дреговичи, уже в середине X в. оказался под контролем киевских князей, назначавших на тамошний престол своих представителей. А с начала XII в. княжество перешло, как известно, под непосредственное управление Киева.

Показательно развитие юго-восточной окраины белорусских земель, населенной радимичами. Здесь не сложилось даже устойчивого вождства, хотя какие-то племенные структуры у них были, настаивает О.А.Макушников. Отсутствие у них объединения уже в составе Древней Руси он объясняет ограниченностью демографического потенциала – то есть малочисленностью населения на обширной территории Посожья, оказавшейся между такими центрами, как Киев, Чернигов и Смоленск [22, с.149-158].

Так в X–XII вв. на территории позднейшей Белой Руси формировались первые государственные образования. В XI–XII вв. уже фиксируются обособленные резиденции знати, что четко маркирует формирование административно-служилого слоя – основы новых, надплеменных, а значит, государственных форм управления. Аналогичные административные функции выполняли и появлявшиеся ранние города [23, с. 168–337; 24; 25; 26; 27, с. 41–42; 28]. Общественные порядки XI в. можно отнести к раннефеодальным, при которых еще только начинались процессы оседания знати на землю с нечеткими владельческими правами на нее. Более определенными земельные права знати становятся в XII в., когда происходит консолидация местной племенной элиты – бояр – с разросшимися княжескими родами – Рюриковичами и Рогволодовичами (в Полоцке) с созданием княжеских (домены) и боярских (вотчины) владений [см. 3, Т. 1, с. 239-243]. С этого времени можно вести отсчет начала

государственности на наших землях. При этом Полоцкое княжество в силу территориальных, этнических и династических причин выделялось наибольшей самостоятельностью вплоть до, в отдельные периоды, полной независимости.

ЛИТЕРАТУРА

- Лінднэр Р. Гісторыкі і ўлада: нацыянальны працэс і гістарычная палітыка ў Беларусі XIX–XX ст. – СПб., 2003.
- Насевіч В., Свяжынскі У. Міндоўг знаёмы і незнаёмы: погляд літоўскага гісторыка // Беларускі гістарычны агляд. – Мн., 1999. – Т. 6. – Сш. 1-2. – С. 261-272.
- Гісторыя Беларусі. – Т. 1. – Мн., 2007.
- Гісторыя Беларусі. – Т. 2. – Мн., 2008.
- Караў Дз.У. Прадмова // Довнар-Запольскі М.В. Гісторыя Беларусі. – Мн., 1994. – С. 3-15.
- Довнар-Запольскі М.В. Гісторыя Беларусі. – Мн., 1994.
- Этногенез белорусов. Тезисы докладов на научной конференции по проблеме «Этногенез белорусов». – Мн., 1973.
- Алексеев Л.В. Полоцкая земля. – М., 1960.
- Заяц Ю.А. Земли и уделы до середины XIII в. на территории Беларуси в трудах Л.В.Алексеева // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Вып. 24. – Мн., 2013. – С. 22-27.
- Касцюк М.П. Нацыянальная канцэпцыя гісторыі Беларусі: асноўныя падыходы // Усебеларуская канферэнцыя гісторыкаў. – Ч.1. – Мн., 1993. – С. 3-5.
- Насевіч В. Пачаткі Вялікага княства Літоўскага. – Мн., 1993.
- Белы А. Хроніка Беларускай Русі. – Мн., 2000.
- Марзалюк І. Дык усёж такі, да якой цывілізацыі належылі ў сярэднявеччы беларускія землі // Край. – Магілёў, 2000. – С. 27-30.
- Пилпиленко М.Ф. Возникновение Белоруссии: Новая концепция. – Мн., 1991.
- Юхо И.А. Государство и право Киевской Руси – Украины в VII–XVI вв. // Гісторыя і дзяржаўнасць: беларуская дзяржаўнасць ва ўсходнеўрапейскім цывілізацыйным кантэксце. – Мн., 2012. – С. 11-37. <http://www.law.bsu.by/pub/31/6161.pdf>
- Юхо Я.А. Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі. – Мн., 1992.
- Дук Д. Полоцк – 1150 // Родина. – 2012. – № 9. – С. 66-69.
- Заяц Ю.А. Мясная зямля: этапы фарміравання // Беларускі гістарычны часопіс. – 1993. – № 4. – С. 8-15.
- Заяц Ю.А. Завершение восточноевропейской эпопеи принца Эймунда, или Варяги на юго-восточной окраине Полоцкой земли в первой половине XI в. // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Вып. 24. – Мн., 2013. – С. 28-33.
- Ривер Я.Г. Изучение курганов в Могилевском Поднепровье // Советская археология. – 1976. – № 2. – С. 179-191.
- Клімаў М.В. Аб адной групе паселішчаў на тэрыторыі Полацкага Падзвіння ў XI–XIII стст. // Актуальныя праблемы ісціорыі і савременнасці ў абысавенна-гуманітарных і сацыя-релігійнаведчых навуках Беларусі, бліжняго і дальняго зарубежжя. – Ч.1. – Віцебск, 2007. – С. 33-35.
- Макушников О.А. Гомельское Поднепровье в V – середине XIII в. – Гомель, 2009.
- Археалогія Беларусі. – Т. 4. – Мн., 2001.
- Загорульский Э.М. Вишинский замок XII-XIII вв. – Мн., 2004.
- Заяц Ю.А. Меньск и его пригороды // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Вып. 24. – Мн., 2013. – С. 38-55.
- Клімаў М.В. Аб некаторых аспектах працэсу феадалізацыі на тэрыторыі Беларусі // Европа: актуальныя праблемы этнокультуры. – Мн., 2007. – С. 205-207.
- Кошман В. Паселішчы міжрэчча Бярэзіны і Дняпра ў X–XIII стст. – Мн., 2008.
- Мяцельскі А.А. Старадаўні Крычаў. – Мн., 2003.